

[П/П: Астрономические сумерки — момент перед полноценным восходом солнца, когда светило располагается над горизонтом под определенным углом.]

Ударная группа шла вдоль четырехсотметровых железнодорожных путей, тянувшихся от союзного города Берледефадель до вокзала в бывшем городе Илекс; оборонительное формирование выходило вытянутым. Они, словно по нити вдоль северных и южных путей, постепенно отходили согласно маршруту отступления Союза.

Основу тактики перемещения составляло чередование между продвижением и отступлением. Отряды в хвосте останавливались, чтобы возобновить сражение, тогда как остальные отступали до определенной позиции.

Как только поступало сообщение о том, что союзник достиг точки, оставшиеся позади отходили, а на их место вставал другой отряд, который брал сражение с Легионом на себя. Завершив отход, они перегруппировывались с другими отрядами, формировали оборонительный рубеж и продолжали отступать дальше.

Первыми возвращаются на территории Союза логистическая поддержка и медленные пехотные подразделения. Следом шли быстрые Регинлейвы и падальщики. Потом они перегруппировались с Ванаргандами, оставшимися позади в ключевых позициях из-за своих высоких характеристик обороноспособности и огневой мощи. Они воссоединились, и вместе отступили в осеннюю ночь, быстро и слаженно.

Все благодаря тактическим командирам бронетанковых дивизий, включая Лену, и штабным офицерам. Они собирали огромное число отчетов от каждого отряда вдоль оборонительной линии, сортировали и, конечно, осуществляли обмен информацией с дивизиями, что позволило корректировать указания и давать новые.

Вика и Фредерику проинформировали об изменении планов, из-за чего им пришлось встать с кровати, несмотря на поздний час: первый помогал в организации и обмене данных, вторая помогала в разведке маршрута отступления. Одно дело Фредерика, и ее роль Эспера, но что касается обмена информацией, Лене, пока она обрабатывала отчеты, сообщили, что Зайша и Оливье помогут с этим. Вик добавил, что можно не переживать и, если необходимо, использовать их до изнеможения.

Для того чтобы бронетанковое оружие передвигалось, несмотря на большую массу, или для выполнения боевых маневров, ему нужно постоянное обслуживание и пополнение припасов. Поэтому каждый агрегат сходил с оборонительного рубежа и получал силовые установки и боеприпасы от падальщиков, процессорам также давалось минимальное количество времени на то, чтобы поесть и отдохнуть. Задача распределить сходящих пала на Лену и остальных: нужно было сделать так, чтобы в оборонительном рубеже не оставалось никаких зазоров. Чтобы вся ударная группа функционировала как единый организм на протяжении всего четырехсоткилометрового пути.

К счастью, основное войско Легиона все еще сдерживалось на главных линиях Союза и

Объединенного королевства. И поскольку Регинлейвы были быстрее большинства типов машин, за исключением Волков, у них вышло оторваться от подавляющей части Легиона вокруг Республики.

Но самым крупным достижением было успешное возвращение последних поездов с беженцами. Горящий поезд вовремя добрался до Союза, не повредив рельсы. Самый последний поезд чуть потерял в скорости, поскольку был нагружен большим числом людей, чем изначально планировалось, но он все еще ехал достаточно быстро, чтобы отступление проходило бок о бок с Регинлейвами.

Пусть она спасет хотя бы их. «Пусть у них получится сбежать», — подумала Лена, уставившись на предрассветное небо.

†

<<Думаете...>>

<<...сможете сбежать от нас?>>

□

Жалкие белые свиньи убегали и оставляли своих соотечественников умирать, но от чего они не могли убежать, так это от бдительного взора Ворона, летающего в небе. Пастухи перешептывались, наблюдая за ними через поступающую информацию.

Весь Легион под его командованием собрался в восемьдесят третьем секторе, а между потрескавшимися плитами на привокзальной площади города Илекс расцвел цветок. Должно быть, сюда откуда-то долетели семена. Цветок пережил недавнюю бойню, не будучи сокрушенным или сгоревшим. Это была дикая лилия, небольшая и короткая — не из тех высоких, что растут в теплицах. И теперь, находясь у похожих на лезвия ног Динозавра, к ним скромно жались ее лепестки.

Эти глянцевого лепестки снежного цвета были заляпаны красным — кровью, что пролилась чуть ранее. Будто святая женщина, некогда гордящаяся своими белоснежно-белыми красками, ныне испачканная алым цветом подлинных грехов и надменностью, склоняла голову от стыда.

Думаете, мы позволим?

Позволим вам, ненавистным грешникам, которые так гордились своим чистейшим белым, сбежать?

Что мы позволим нашим бывшим товарищам — несмотря на их принадлежность к «восемьдесят шесть», несмотря на то что они такие же, как и мы — защитить белых свиней, забыть о

пролитой крови сослуживцев, чей плач поднимается из земли?

□

<<Думаете, мы, «восемьдесят шесть», позволим?>>

†

— Э-эх... — тяжело вздохнула она.

Лена выглядела ошарашенной. Она уже получила отчет от тактического командира 4-й бронетанковой дивизии, дежурившей в боевой зоне. Потому отчасти была готова к этому.

На участке возле железнодорожных путей стояла группа людей, загораживая маршрут отступления. Они разошлись по сторонам от рельс примерно на пятьсот метров. И теперь оцепенело стояли, неорганизованные, потерянные и беспомощные. Это были жители Республики с последнего поезда из Республики, поезда 192.

Поезд просто остановился. Через десять метров спереди головного вагона и до самого горизонта рельсы были снесены. Согласно отчету, десятки километров рельс канули в небытие.

Они были уничтожены бомбардировкой.

— Скорпионы... Когда мы уже зашли так далеко!..

До выхода с территорий Легиона оставалось всего пятьдесят километров, совсем чуть-чуть. Казалось, чем ближе они подбирались к территориям Союза, тем больше палок в колеса им вставляли. Легион вел бой с Союзом, поэтому машины по большей части были сосредоточены на передовой, где образовался позиционный тупик.

Двигаясь по территории врага, где силы Легиона были разбросаны неравномерно, ударная группа могла засекать признаки агрессии машин и атаковать на упреждение. Но теперь, когда они подошли к передовой с плотным расположением противника, большая численность Легиона делала эту задачу значительно тяжелее.

Мало того, способность Шина позволяла определять местоположение и численность Легиона, но не отделять один тип от другого. Получалось, что среди войска размером в корпус — а это более сотни тысяч машин, — с которым схлестнулся Союз, ему тяжело было отличить бронетанковые подразделения, пытающиеся прорваться через оборонительные рубежи, от артиллерийских.

А даже если он мог вычленить Скорпионов, то вот сказать наверняка, куда они целились, уже

не представлялось возможным. Выпущенный же неуправляемый разрывной снаряд не собьешь.

Будучи тактическим командиром и лидером группы, Суки чувствовала разочарование от того, что пропустила такой момент, но это не была оплошность 4-й бронетанковой дивизии. Они знали, что у противника имелась артиллерия, и что она вошла в потенциально опасную зону. Но Скорпионы, сражавшиеся с артиллерией Союза где-то в семидесяти километрах от них, внезапно выпустили концентрированный огонь по участку, который, как предполагалось, должна оборонять 4-я бронетанковая. И поэтому отряды рассредоточились, чтобы минимизировать ущерб.

Но они не только были обездвижены, им предстояло защищать десятки километров железнодорожных путей, по которым легко целиться. В общем, у них не получилось.

С учетом взрыва и шрапнели, 155-мм снаряды были летальны, радиус их поражения составлял сорок пять метров. Их воздействие на бронетанковые подразделения ограничено, но силы хватало, чтобы разрушить наполовину воздвигнутые бетонные стены и укрепления. А уж беззащитные металлические рельсы для них не проблема.

Окинув взглядом землю, вспаханную по прямой обстрелом крупнокалиберной пушки, и заросли, из которых то тут, то там торчали металлические рельсы, Шин не без горечи заговорил:

— Наверное, можем исходить из того, что они ждали, пока мы заберемся так далеко... Залп по рельсам производился с расстояния семидесяти километров без пристрелочных выстрелов. И ни один из выпущенных снарядов не промахнулся по десяткам километров путей, но эвакуационный поезд остался без повреждений.

— Да, — согласно кивнула Лена, сдержав порыв вздрогнуть.

Именно, они уничтожили только рельсы. Поезда могли перемещаться только по ним, точно также у них нет возможности уйти из-под обстрела, если только не скорректировать скорость. Но своей бомбардировкой Легион не только не поразил поезд, еще и не было попытки пустить его под откос с помощью схода с рельсов.

Они точно атаковали железнодорожные пути с полным пониманием, что нет необходимости уничтожать поезд. И также им не понадобились пристрелочные выстрелы — они загодя собрали данные для стрельбы, и использовали донные газогенераторы, чтобы увеличить дальность полета снарядов до семидесяти километров.

Артиллерия укрылась среди несметного числа Легиона, чтобы не было возможности принять меры предосторожности, и позволила ударной группе бежать без преград, пока те не достигнут края территории Союза.

Причем, скорее всего, с помощью разведки с неба они подгадали время и уничтожили рельсы

близ территорий Союза, чтобы не дать отправить еще один поезд для спасения беженцев.

Вот как далеко они зашли.

— Они подготовили снаряды с донными газогенераторами, чтобы увеличить дальность на еще тридцать километров, и продолжали вести бои с Союзом, прежде чем нацелиться на нас, ведь так мы не сможем уловить момент атаки. Наверное, и поезд у них был в поле видимости, но они намеренно его пропускали. Если столько продумали лишь за тем, чтобы остановить жителей Республики без их убийства, значит...

— ...Да. Часть Легиона у Республики пришла в движение. Около десяти тысяч, чуть больше. Судя по скорости, я бы сказал, что это Волки, за ними следуют Львы и Динозавры. Они идут по тому же маршруту, что и мы, то есть прямо вдоль железнодорожных путей.

— Кх... — стиснула зубы Лена.

Скорость передвижения на ногах составляет четыре километра в час. Для тренированных солдат это может считаться весьма медленно, но длинная история войн показывала, что это наиболее эффективная маршевая скорость. Пойдешь чуть быстрее, и начнет сказываться усталость, в конечном счете войско покроет меньшее расстояние. Выходит, проходить получится примерно тридцать километров в день. Марш-броском можно вытянуть сорок километров, но это самый верхний предел для солдата за один день.

Солдат нес на себе десятки килограммов оснащения, и даже тренированный и дисциплинированный мог идти только со скоростью четыре километра в час. А гражданские лица, без опыта в маршах, и с учетом их предпочтений перемещаться на машине или поезде, будут идти и того медленнее.

Военная полиция и штабные офицеры, которые ехали вместе с жителями, попытались организовать их, насколько это было возможным: пока что они оставались на одном месте и не бежали вслепую, но все равно толпа выходила неорганизованной. Группа из нескольких тысяч человек была неуправляемой. На формирование строя, чтобы затем начать марш, уйдет какое-то время.

Хуже всего, что среди толпы были не только здоровые мужчины и женщины, но и более уязвимая группа населения, вроде пожилых людей и детей, и все они десять лет ходили только по мощеным дорогам восьмидесяти пяти секторов Республики. У них нет опыта по передвижению по грунтовым пустырям. Для них трудным уже может оказаться ходьба на протяжении нескольких часов. И поскольку они в принципе не рассчитывали на часовые прогулки, их обувь также к этому не располагала.

За ними гнались Волки, вторые после Фениксов с позиции скорости. Эти машины способны перемещаться со скоростью более двухсот километров в час. При нынешней ситуации им не сбежать. Легион настигнет их довольно скоро, а за этим последует паника и хаос, какие наступили на вокзале Илекс.

Сами солдаты могли уйти. Регинлейвы могли оторваться от Волков, Ванарганды могли победить наземные войска. Но им будут мешать болтающиеся вокруг беженцы.

На миг одна мысль возникла в голове Лены. И Шин, скорее всего, пришедший к такому же заключению, отвел взгляд. Среди командиров ударной группы и экспедиционных сил, подсоединенных через парарейд, воцарилась холодная тишина. Все они подумали над этим. Не могли не подумать, будучи военачальниками, ответственными за жизни стольких подчиненных.

□

Следует ли им тогда бросить граждан Республики, которые не более чем препятствие, и пусть одни солдаты возвращаются в Союз?

□

Об этом задумались командиры Союза и штабные офицеры.

Предполагалось, что они должны лишь оказывать содействие эвакуации Республики, насколько могли. У них не было обязанности и обязательств спасти людей Республики, если цена тому — жизни их подчиненных.

□

Лена также задумалась.

Она не могла приказать солдатам Союза пожертвовать собственными жизнями во спасение жителей Республики. И она определенно не могла требовать от «восемьдесят шесть» поставить свои жизни на кон.

□

Задумались и Шин с «восемьдесят шесть».

Они не хотели жертвовать собой или товарищами, чтобы спасти республиканцев. Что же до солдат Союза, они не обязаны помогать сверх того, чем уже помогли.

И поэтому они задумались.

□

Если они все-таки решат оставить жителей Республики...

...не значит ли, что ситуация просто вышла из-под контроля?

□

Звонящую тишину по парарейду прервал сдержанный вздох.

— Вам не нужно о таком задумываться.

Голос низкий, жесткий, суровый, как закаленная сталь. Этот голос принадлежал командиру экспедиционных сил, генерал-майору Ричарду Альтнеру. Человеку, стоявшему выше Лены и бригадного командира ударной группы Греты. Самому высокопоставленному офицеру из присутствующих и командиру, ответственному за эту операцию.

Лена помимо воли разомкнула губы. Она все еще не была уверена, что хочет от него услышать: то ли речь, призывающую бросить граждан, то ли обратное.

— Генерал-майор Альтнер...

— Вице-командир, оставляю командование отступлением экспедиционных сил в ваши руки. Полковник Вензель, на вас остается верховное командование отступлением ударной группы. Я и штабной оборонный полк перехватим Легион. Пока мы этим занимаемся, эвакуируйте беженцев Республики на земли Союза.

— ?!.

У Лены перехватило дыхание. Шин следом широко раскрыл глаза, и оба они чувствовали через парарейд те же эмоции у остальных командиров. Грета же, напротив, сохраняла собранность, когда давала ответ. Словно предвидела это и подготовилась — таким тихим, но вместе с тем угрюмым тоном.

— Один полк собирается выиграть достаточно времени на то, чтобы гражданские лица дошли до Союза на ногах. Это сопротивление из разряда «сделай или умри». Вы так хотите расстаться с жизнью, генерал-майор?

— Солдат не может бросить граждан из-за страха за свою жизнь. Наш Союз — страна праведности, все-таки.

Но дело вовсе не в простой «праведности», какую Союз принимал в качестве национальной политики.

— Мы спасли детей-солдат от гонителей их страны. Мы бились с ними бок о бок, чтобы вытащить другие страны из бедственного положения, и даже протянули руку помощи притесняющей их Республике, предоставив тем шанс исправить свои ошибки. Мы много боролись ради создания репутации праведности. И эта репутация должна стать вечным сокровищем Союза. Потому мы не можем запятнать ее сейчас. Не говоря уже о том, чтобы предоставить ненавистной Республике клеймо жертвы, брошенной Союзом. Этой картой можно воспользоваться против нас, и она может поставить под угрозу будущее нашей страны.

— Значит, ради послевоенной дипломатии?.. — прошептала Лена.

Ричард фыркнул:

— Да. Боюсь, в этот раз удача оставила вас, полковник Миризе. Для Республики это может быть неплохим шансом.

Праведность Союза не будет поколеблена. У «восемьдесят шесть» не отберут звание трагических героев, а Республике не позволят освободиться от тяжких грехов.

— ...

— К сожалению, всех жителей спасти не удалось, зато абсолютно каждый в спасении миллионов углядит непосильную задачу. Но полк Союза пожертвует собой и дополнительно вызовет небольшую группу беженцев. Такая трагедия, несомненно, скомпенсирует этот недостаток.

И поэтому он собирается пожертвовать жизнью...

Ванарганд Ричарда во главе полка развернулся. Согласно обязанностям командира экспедиционных сил, а также чтобы оказывать поддержку Регинлейвам с меньшей, по сравнению с Ванаргандами, огневой мощностью, командующий полком оставался в хвосте.

Более сотни Ванаргандов поменяли направление тяжелыми, грохочущими шагами. Они расходились влево и вправо, чтобы не мешать остальным агрегатам, и отправлялись обратно. Перемещение происходило с идеальной синхронностью, словно подгоняемая внешним стимулом стая рыб.

Сменив курс с запада на восток, марширующие колонны разделились по отрядам и взводам. Далее они приступили к поискам нужной местности, которая позволит одним полком перехватить десять тысяч машин Легиона.

— Позвольте сказать одну вещь, полковник Миризе. А то полковник Вензель не настолько искусна в политике, чтобы говорить о таком. Армия и солдаты — лишь инструмент управления. Смысл их заключается не в победе над врагом. Я далек от того, чтобы относить вас к

инструменту Республики или Королеве «восемьдесят шесть». Но с какой бы стороной вы себя не ассоциировали, используйте свою смекалку и достигнутые победы.

— Я...

— И то же самое я могу сказать вам, «восемьдесят шесть». Вы служите армии Союза, а значит являетесь инструментом страны. Я не говорю отвечать на это укладом ваших жизней. Но вы, как солдаты, должны стремиться именно к этому. Вам больше не позволено говорить о битвах до последнего вздоха и смертях за свои интересы. Не обманывайтесь и не гибните за эти идеи, потому что Союз не выстоит. Больше никогда не сражайтесь так, будто ищете своей смерти.

Шин вздрогнул и поднял взгляд. Им, дипломатическим инструментам и материалам пропаганды, не разрешалось погибать. И хотя в речи говорилось лишь о том, что их используют, скрытый за словами смысл глубоко проник в сердце Шина. В конце концов, этот человек некогда отправил их на верную смерть.

И теперь он говорил не гибнуть, не спешить умирать. Другими словами...

Выжить.

— Еще кое-что, полковник Миризе, «восемьдесят шесть». Пока есть возможность, не бросайте граждан Республики.

— Это...

— Вы же собирались их бросить, не так ли? Якобы такова ваша ответственность как солдата или командира... Увольте. Перестаньте пытаться отвлекаться от чувства вины, когда взвешиваете жизни на перекошенных — и вам известно, что они перекошены — весах. Не позволяйте «восемьдесят шесть» нести это бремя из-за народа Республики.

Пусть они не выплескивали недовольство на жителей Республики, но уважать их точно не могли. Для граждан Союза жизнь гражданина Республики ценилась меньше собственной. И поскольку сами они это понимали, их нельзя было бросать. Чтобы вину за этот грех, бремя этой мести не пришлось нести до конца дней.

— Соблюдать праведность — гордость солдат Союза. А гордость «восемьдесят шесть» — остаться людьми, правильно? Тогда поступайте соответствующим образом. Если раньше вы не выбирали мести, не выбирайте ее и дальше. Не позволяйте им мешать вашим жизням. И, полковник Вензель...

Наконец, Ричард вновь обратился к Грете.

— Да, — коротко кивнула она.

— ...раз решили укрыть «восемьдесят шесть», на вас лежит обязанность защищать их гордость. Придерживайтесь ее. С этих пор именно вы должны нести бремя жестокости, безжалостности и бездушия.

Если защита Ричарда не удастся, Легион прорвется, и у них не будет иного выбора, кроме как бросить жителей Республики. А альтернатива — пожертвовать, если понадобится, остальными экспедиционными силами и спасти республиканцев.

Сделать этот выбор должны не Лена или «восемьдесят шесть», а Грета.

Не только сейчас, но и в будущем. Когда придет время бросить товарищей на гибель. Или если у них не получится защитить граждан. Если возникнет необходимость организовать операцию, требующую жертв. По мере ухудшения военной ситуации все жестокие, безжалостные и бездушные решения будут лежать на ней — командире бригады.

В конце концов, именно она настаивала, что Союз обязан не бросать «восемьдесят шесть». Так что это ее ответственность.

— Если ты все еще считаешь их детьми, то хотя бы этого должна придерживаться.

Грета помолчала немного с закрытыми глазами, а потом ответила. В словах не было ни жизнерадостности, ни попыток подстегнуть.

— Разумеется, Ричард. Поэтому...

Она позаботится о них. О будущем. О чем угодно.

— ...тебе не нужно ни о чем волноваться.

□

Командующий полком выдвинулся для перехвата устремившихся к ним сил Легиона, но машины значительно превзойдены численностью, так что они никоим образом не могли уничтожить врага. Тактика увиливания — самое лучшее, на что они могли рассчитывать. Бой, затем отступление, и так на всем пути продвижения противника.

Чтобы была возможность отступать, им нужно сохранять некоторую дистанцию, и поэтому арьергардный полк ушел как можно дальше от ударной группы и беженцев. Также, чтобы дать арьергардному полку достаточно расстояния для отступления и возможностей для остановки врага, ударной группе и беженцам нужно как можно быстрее добраться до Союза.

— ...Получила от основных сил столько транспортных грузовиков, сколько нам нужно. Как

будут готовы, сразу поедут к нам, до тех пор нам нужно отойти на как можно большее расстояние.

Грета отчиталась о ситуации основным силам западного фронта Союза и организовала транспортировку беженцев. Когда закончила, она отдала приказы.

Лена слушала голос Греты через парарейд, все еще сидя на вспомогательном сиденье Грималкина Саки. Все процессоры находились в своих Регинлейвах, конечно же, точно также офицеры управления и командиры расположились на вспомогательных сиденьях. Каждый молча и напряженно ждал приказа выдвинуться.

— 4-я бронетанковая дивизия занимается оборонительным рубежом, здесь без изменений. 3-я бронетанковая дивизия присоединится к 4-й и укрепит рубеж. 2-я бронетанковая остается наблюдать за тылом.

— Принято, мэм.

Военная полиция и инженеры разбили разошедшихся граждан по нескольким группам и сформировали временные ряды. Создание оборонительной линии вблизи Союза изначально лежало на 4-й бронетанковой дивизии, теперь к ним присоединятся 3-я бронетанковая и оставшиеся Ванарганды.

— 1-я бронетанковая дивизия, полковник Миризе и войска капитана Ноузена. Вы отвечаете за ряды беженцев. Следите, чтобы не разбредались и не двигались слишком медленно, но чтобы в итоге дошли до места встречи с грузовиками.

— Да. Поняла, полковник Вензель.

Агрегат Греты, единственный Регинлейв, пилотируемый командующим офицером, через канал связи передал расчетное время прибытия в место встречи. Лена кивнула, когда глянула на появившееся голографическое дополнительное окно. Им предстоит пройти семнадцать километров. Расчетное время прибытия — пять часов.

Открылось еще одно окно, отобразившее число беженцев, которых быстро пересчитала военная полиция, и оставшиеся припасы у сопровождающих падальщиков. Операция изначально планировалась на три дня, потому у них было вполне достаточно боеприпасов, силовых установок, еды и воды.

Лена мигом проработала через голографическое окно распределение войска, сменила цель синхронизации и начала отдавать приказы.

— 1-я бронетанковая дивизия ударной группы — продолжайте отступление.

□

Услышав указания, Регинлейвы передали то же самое беженцам через внешние динамики. Первая группа беженцев пришла в движение. Вокруг них рассредоточились отряды: и чтобы обеспечить определенный темп, и чтобы служить авангардом.

Фердресы цвета полированной кости, ползающие в тусклом свете раннего восхода солнца, походили на стаю чудовищных пауков. Жители были напуганы ими, они прижались друг к другу и шли молча, словно сопровождаемые под дулами автоматов. Когда в путь отправился хвост этой группы беженцев, за ними последовали еще несколько Регинлейвов, а потом поднялся на ноги другой отряд.

— Пора, да? Хорошо. Вторая группа, выдвигаемся.

□

Опять же, здесь собралась толпа из тысячи или около того жителей. К тому моменту, когда выступила последняя группа, звезды в небе угасали, а темно-синяя заря уступила место бирюзовому безлунному рассвету. Прозрачный тусклый-синий начал накрывать мир.

Отряд Остриё копья проводил группу. Будучи командиром, Лена, и в том числе Грималкин, двинулись к тылу формирования, вокруг нее расположился отряд Брисингамен Шиден.

Безголовые скелеты не спеша двинулись под холодным сапфировым мраком, их силуэты походили на призраков.

□

Вскоре позади начали раздаваться громоподобные рыки пушек. Арьергард наконец-то столкнулся с силами Легиона, что повлекло открытие военных действий. И арьергард, и беженцы сумели добиться некоторого достойного прогресса, поэтому между ними теперь пролегало приличное расстояние. Но громкий рев 120-мм пушек все-таки пересек его. Как будто говоря: металлические убийцы прямо за горизонтом.

Пройдя длинный боевой путь, Регинлейвы привыкли к звучанию пушек, потому никакой волнительной реакции не последовало. Взгляды беженцев, однако, застыли, и они в страхе повернули головы.

Один человек, напуганный приближением Легиона, развернулся и уже готов был побежать. Но секундой позже на его пути встал безголовый скелет.

— И-и-и-ик!

— Не выходить из строя, — прозвучал низкий голос из внешнего динамика.

Если побежит один, остальные последуют его примеру. И как только группа начнет бушевать, остановить хаос уже не выйдет. Поэтому им нужно пресечь это.

— Н-но я слышал выстрелы. Там Легион...

— Они по-прежнему далеко. Если хочешь убежать от них, продолжай идти. Если хоть кто-то попытается удрать, мы не станем и дальше защищать вас.

— Ага, ну разумеется. Вы ж «восемьдесят шесть», — пробормотал один из группы. Говорил человек достаточно громко, чтобы его услышали, но так, чтобы никто не распознал его в толпе.

«Вы же “восемьдесят шесть»». Вы и не хотите защищать народ Республики. Вы ненавидите нас, вы упрекаете нас. Вот поэтому не станете».

В тоне слышались обвинение и негодование, хотя он понимал, что его в самом деле ненавидят. И совершенно ясно было, что человек считал, будто совершенно не заслужил этих упреков, будто такое отношение было необоснованным.

Но Регинлейв, казалось, совсем не отреагировал на выпад.

— О, правда? Ну, тогда повторю еще раз: не выходить из строя. Я ж «восемьдесят шесть», поэтому делаю лишь необходимый минимум. Кто хоть на шаг выйдет, будет сам по себе.

«Так что если хотите остаться в живых...»

— Просто заткнитесь и шагайте.

□

— ...Жалуемся и мы, и жители Республики. Что, в принципе, логично, — проворчал Райден из своего Оборотня.

Он сказал это, когда Клод выключил внешние динамики и цокнул. «Восемьдесят шесть» не волновал этот протест, но было неприятно, это точно.

Шин, как капитан отряда и командующий операциями у 1-й бронетанковой дивизии, в этой операции отдал приоритет разведывательным обязанностям. Получалось, он не мог принять на себя командование, и Райден, его заместитель, получал все отчеты от отряда Остриё копья и

капитанов других отрядов.

Митихи — она перемещалась с отрядом Ликаон, сопровождающий одну из групп впереди — подключилась через парарейд.

— Вице-капитан Шуга, кое-кто спросил, можем ли мы разобрать один контейнер падальщиков и поместить внутрь хотя бы детей. Матери ребенка, кажется, очень и очень тяжело...

— О... — Райден на миг задумался, а потом качнул головой. — Нет, Митихи, нельзя. Если сделаем так, этому не будет ни конца, ни края. «Почему детей вы можете так перевозить, а меня — нет?». «Если можно детей, то почему людей в возрасте — нет?». «Сбросьте все боеприпасы, пусть все сядут в контейнеры». Для таких препирательств у нас нет времени.

— Ага... Ты прав. Принято, сэр. Кроме того, нельзя оставлять детей рядом с боеприпасами.

□

— Так, кажется, первой группе пора сделать передышку, — сказала Лена, когда посмотрела на часы, отображаемые на проекции электронного документа.

Прошел примерно час с тех пор, как выдвинулась первая группа, а значит настал черед для первого перерыва.

Она бросила взгляд на ребенка, которого нес не родитель, а юноша в раннем подростковом возрасте. Наверное, дети, которые разделились с родителями. Или, возможно, они были из разных семей. Вообще-то надо как можно быстрее добраться до места назначения, но, если позволить усталости накапливаться, много времени не пройдет, прежде чем люди не смогут идти.

— Тем более мы на ногах с прошлой ночи, а встреча с транспортной командой в четырех часах пути. Нужно отдохнуть, пусть и совсем немного. Еще надо обеспечить отдых по очереди для тех, кто на наблюдательном посту. И мне также нужен отчет по процессорам, что воспользовались рецептурным лекарством для снижения усталости.

□

Операция была запланирована на три дня, поэтому припасов у них хватало. Они отдали пластиковые бутылки с водой и боевые рационы беженцам и, после десяти минут отдыха, продолжили путь.

Беженцы, которые наконец-то дорвались до сидячего положения, заворчали: «Всего десять минут?..». Но поскольку никто не мог противостоять находившимся неподалеку Регинлейвам, они возобновили продвижение. После объявления о продолжении марша, Регинлейвы без

лишних слов поднялись и поторопили граждан, чтобы те не остались позади.

□

Черета беженцев и Регинлейвов тронулись в путь.

Они шли дальше. Чем больше времени проходило, чем больше расстояния они проходили, тем сильнее выдыхались беженцы, не привыкшие к долгим прогулкам. Они волочили уставшие ноги и все чаще стали спотыкаться о камни, сорняки и ямки в земле. С детьми и пожилыми людьми понятно, но и взрослые начали терять силы.

Регинлейвы шествовали дальше, они либо наблюдали со стороны, либо неустанно дежурили на расстоянии. Люки похожих на гробы кабин открывались лишь когда брался часовой перерыв в то же время, что и у беженцев, или когда их освобождали от обязанностей часовых.

Дети-солдаты оставляли штурмовые винтовки при себе, держа в уме возможность кражи агрегатов, когда делали глотки воды или молча жевали не разогретые боевые пайки. Беженцы бросали на них завистливые взгляды, но «восемьдесят шесть» было все равно.

Перемещаться на фердресе не так просто, как могло показаться. Они пилотировали уже многие часы: счастливы — всю ночь, а невезучие — целый день. И при таких длительных нагрузках им приходилось маршировать через территории врага и попутно защищать медленных нонкомбатантов. Их нервы напряжены до предела необходимостью сохранять бдительность по отношению к Легиону и поддерживать скорость.

Если они не будут отдыхать при любой возможности, хоть чуть-чуть, пройдет пара часов, и они уже не смогут идти дальше.

И потому фонари кабин закрывались, и они просто отправлялись в путь. «Восемьдесят шесть» молчали, а жители были слишком напуганы, чтобы жаловаться вслух. Они могли лишь бросать обиженные взгляды на «восемьдесят шесть», которые достойно их игнорировали. И эта тишина все тянулась и тянулась, не было ни обмена словами, ни обмена взглядами.

□

Со своей силой видеть настоящее того, с кем была знакома, Фредерика имела наибольшее представление о нынешней ситуации арьергарда. И как талисман ударной группы... и схваченная армией Союза императрица Августа, разумеется, она знала Ричарда Альтнера.

Шин тоже мог предполагать состояние арьергарда путем обратного расчета местоположения погнавшихся за ними сил Легиона. Но сейчас он занимался продвижением и внимательно следил за окружением в радиусе нескольких сотнях километров от него. Ему не следует заниматься еще и отслеживанием ситуации арьергарда.

А самое главное, Шину приказано не делать поспешных решений. Потому она не хотела, чтобы он видел поражение арьергарда из-за сделанного ими выбора.

С начала сражения прошло уже какое-то время, но едва ли арьергард сдвинулся с той позиции, где столкнулся с погнавшимися силами Легиона. Даже Фредерика, мало что знающая в тактиках или тонкостях боевых действий, могла сказать, что они держались очень даже хорошо.

Они понимали, что нужно выиграть столько времени, сколько получится, поэтому битва была тому под стать: упрямое сдерживание позиции без безрассудных жертв. Они сражались до победного конца, проявляя истинные доблесть и решимость — и с полным осознанием, что поражение неизбежно, и что их ждала смерть.

— Великолепный бой, Альтнер. Прими мое большое уважение... и глубочайшие извинения.

□

Продвижение продолжалось. Солнце взошло.

Новорожденные золотистые лучи осветили небо, когда светило равно озарило землю. Этот свет побуждал все живое пробудиться.

Это было утро, когда сам воздух излучал прозрачное золотое свечение.

Осенние цветки, целованные мерцающей утренней росой, расправили свои лепестки; холодный ветерок, очищенный ночной тишиной, наполнился цветочным ароматом. Вот пробудились лесные деревья, над дикой травой поднялся утренний туман, а приветствующие новое утро птички защелкали, когда их маленькие тельца начали согреваться.

Беженцы Республики шествовали в разгар этой благословенной радости. Осеннее утро выдалось прекрасным, нежный ветерок и мягкие лучи солнца ублажали ноющие ноги.

И эта красота делала их путешествие до Союза еще более убогим.

Продвижение было вовсе не в быстром темпе, но они прошли уже довольно большое расстояние, временами делая перерывы. Куда бы они не посмотрели, везде цвели дикие цветки, словно бы соревнуясь за место самого красивого, но именно о них цеплялись ноги.

И эти же ноги, определенно не привыкшие к ходьбе на такие большие расстояния, изнывали от неровной земли. Они шли, шли, а пейзаж не менялся. Небо и поля простирались до самого горизонта.

Бескрайняя голубизна — идеальнейшая картина времени года. И от этого прекрасного пейзажа было невероятно трудно уйти.

Они волокли ноги, устало постанывая. Родители ворчали от изнеможения, неся рыдающих детей и младенцев. Жители шли уже по инерции, но окружающие Регинлейвы никак их не подстегивали. Они не говорили поторопиться, а просто вели их в окружении. Временами останавливались и осматривались, но потом шли дальше, также молча.

Они не вынуждали идти, не пытались поторопить. Не было желания, да и это не входило в их обязанности. Военные Союза защищали территорию Союза и ее людей, но заниматься тем же в случае людей Республики они обязаны не были.

Будь на их месте граждане Союза, и они могли бы зайти достаточно далеко, чтобы наставить оружие и сопроводить до безопасного места, но ответственности за жителей Республики они не несли. И причин не нянчиться с ними можно найти еще больше, ведь то были «восемьдесят шесть», кто должен ненавидеть и презирать Республику.

Но для жителей Республики такое поведение было более болезненным. Если бы их заставляли идти вперед, если бы эти грозные орудийные башни и пулеметы наставлялись на них, их негодование оправдалось бы. Их слезы, недовольство за жестокое обращение и жалость к себе — все эти чувства оправдались бы.

Если бы их держали под прицелом и вынуждали идти, они могли бы воспринимать это как дискриминацию со стороны ужасных тиранов, могли посчитать себя мучениками, достойные сострадания. Но ни солдаты Союза, ни «восемьдесят шесть» ничего такого не делали.

Все пролитые горькие слезы и болезненные жалобы оставались без ответа, самое большее — на них косо смотрели. Солдаты Союза и «восемьдесят шесть» ни словом с ними не обмолвились. Даже если жители остановятся и будут настигнуты Легионом, им будет плевать. Но им также плевать, когда жители идут с сопровождающими.

Их вообще ничего не заботило. «Восемьдесят шесть» было без разницы, что там с этими жителями. Выживут они или помрут — их не волновало. И это безразличие — никакого возмущения у «восемьдесят шесть», поскольку тем было абсолютно плевать — они не могли вынести больше всего.

□

— Я больше не вынесу!

□

Кто-то крикнул. Молодая женщина, идущая нетвердой походкой, остановилась. Серебряные

взгляды остальных устремились на нее. Шагающий неподалеку Регинлейв остановился, его зловещий силуэт, напоминающий шастающего безголового скелета, пугал и не щадил.

Женщина достигла предела. Ее лицо сморщилось, как у ревущего ребенка, и она даже не стала смахивать льющиеся по щекам слезы.

— Я не вынесу больше. Я ни шагу не могу сделать! У меня болят ноги. Я не могу... не могу идти!

Все серебряные глаза уставились на женщину и Регинлейва. Тот, по-видимому, командир, направил на нее красный оптический сенсор. У агрегата имелись пара высокочастотных клинков, похожих на хелицеры паука, и личная метка безголового скелета, перекинувшего лопату через плечо.

Каждый житель переводил взгляды между ними.

Из внешних динамиков раздался голос юноши. 88-мм пушка Регинлейва, которая отслеживала поле зрения пилота, была направлена прямо на женщину.

— Если отделитесь от группы, у нас не будет возможности вернуться за вами.

□

Шин спокойно обратился к изможденной и потрепанной, точно блуждающий дух, женщине:

— Если отделитесь от группы, у нас не будет возможности вернуться за вами.

Он не был обязан принуждать ее идти дальше, точно также у «восемьдесят шесть» нет обязательств подбодрять ее. Потому, когда Шин говорил, его голос звучал до ужаса холодно и резко. Будто сообщал, что выживет она или умрет — его не волновало.

Его это в самом деле не заботило, как, впрочем, и все остальное.

Из тона исчез любой намек на эмоции. И когда его слышали, белоснежные глаза женщины — а также взгляды остальных жителей, что с затаенным дыханием наблюдали за разговором — едва-едва дрогнули. Но он сделал вид, что не заметил этого.

— В таком случае сделайте перерыв и воссоединитесь со следующей группой.

□

Женщина и окружающие ее жители Республики оцепенели от этих слов. Их произнесли буднично и без эмоций. Но он дал ей совет: так она не будет оставлена, и так она продолжит идти.

«Восемьдесят шесть» дал такой совет жителю Республики, которого должен ненавидеть.

— У стольких людей уйдет некоторое время, чтобы пройти вперед и уйти без вас. На отдых вам точно хватит.

Женщина качнула головой. Наверное, не могла поверить. Молча наблюдавшие жители тоже ожидали от него совсем другого поведения.

— ...Я не могу идти.

— Но чем дольше вы будете оставаться здесь, тем сильнее будет сказываться усталость, из-за чего выдвинуться вновь станет очень сложно. Поэтому отдыхайте около десяти минут. Объяснять, думаю, не нужно, но, если нет при себе часов, попробуйте считать до шестисот.

— Я не могу... Выслушай, я не могу идти! Больше не могу!

— Вам также не нужно торопиться для воссоединения со своей изначальной группой. Просто придерживайтесь того же темпа, что люди вокруг вас.

— Нет, не могу! Да послушай же, ну не могу я идти! ОСТАВЬ МЕНЯ! — визгливо крикнула женщина.

Эхо вопля разлетелось по небу, но Регинлейв не уступал.

— Ты же «восемьдесят шесть», а?! Ненавидишь нас, не так ли?! Вот он, тот самый шанс. Просто оставь меня! Можешь даже называть обузой, если хочешь! Так почему?!

Почему же ты не бросишь нас?

Мы ведь бросили — одиннадцать лет назад. Поступи с нами также. Почему ты не хочешь опускаться до того, чтобы быть таким же убогим, как мы?

Ее голос походил на крик. Регинлейв не сказал ни слова и просто отвернулся.

□

В этот миг Дастин машинально принял решение открыть фонарь Стрельца. В конце концов, он

был республиканским солдатом. Шин — солдат Союза, долг которого никак не связан с этими жителями, и он не мог наставить оружие на людей другой страны. Несмотря на это, солдату из числа «восемьдесят шесть» пришлось сдерживаться, вдобавок он еще дал совет, когда не был обязан этого делать.

Выходило, щелкать кнутом по жителям и заставлять идти — роль Дастина как солдата Республики. Он взял винтовку, выданную для самозащиты, и потянулся за открывающим рычагом.

Но затем...

□

— Грималкин, прошу вас, откройте фонарь.

Следуя ее приказу, пусть и с небольшой задержкой, открылась кабина одного Регинлейва с личной меткой крылатой кошки — Грималкина Саки.

Личная карета Кровавой королевы в этой операции.

Из кабины поднялась Лена. Ее длинные, бархатные, сияющие серебром волосы развевались на солнце. Из-под военной фуражки сверкнули ничего не выражающие серебряные глаза, когда она вышла на осеннее поле боя.

Остальные Регинлейвы остановились, неуверенные, что она делает. Шиден отреагировала с удивлением, и она на Циклопе отправилась охранять ее, с другой стороны с тем же самым намерением подошел Могильщик.

— Стрелец, отставить. Я займусь этим.

— Но, полковник...

— Отставить, младший лейтенант. Такова моя обязанность как полковника. И кроме того... вы не можете выполнить эту задачу также, как могу только я.

«Возможно, ты бы мог выступить перед гражданами, но не стать кровавым сувереном “восемьдесят шесть”. Ты не сможешь действовать настолько хладнокровно».

— ...Есть, мэм, — согласно кивнул Дастин, хоть и неохотно.

С белым и черным Регинлейвами по обеим сторонам в качестве прислуги, Королева взялась за

правление гражданами. На голове была военная фуражка, точно корона, серебряные волосы трепетали подобно мантии, а вместо скипетра она держала штурмовую винтовку.

Взгляды жителей устремились на нее, и мало-помалу поднялся гомон. Пиджак цвета берлинской лазури — часть женской военной формы Республики. На глаза надвинута фуражка, винтовка — стандартная в армии Республики.

Почему из Регинлейва вышел республиканский солдат вместо «восемьдесят шесть»?

Почему республиканский солдат сидит в Регинлейве вместе с «восемьдесят шесть», когда граждане вынуждены идти на ногах?

Почему республиканский солдат, дававший клятву защищать их, самодовольно сидит в Регинлейве «восемьдесят шесть» под их защитой, хотя жители вынуждены идти на ноющих ногах.

— Ты... — хотел было обвинить ее один человек.

— Идите, — заткнула его Лена одним лишь взглядом, в тени от военной фуражки яростно сверкнул взгляд серебряных глаз. — Легион приближается, потому идите. Отдыхайте, если надо, но перестаньте вести себя как дети и настаивать, будто не можете идти, и будто им следует бросить вас.

— Тц...

— Если понимаете, что вам оказывают помощь, перестаньте с такой легкостью говорить им бросить вас. Каждая секунда вашей истерики стоит жизни солдату Союза. Потом и вы погибнете. А раз вы это понимаете — идите. Я не говорю вредить себе, но идите так быстро, как можете.

Лена все продолжала, непоколебимая перед лицом направленных на нее бесчисленных взглядов. Она сняла винтовку, свой королевский скипетр, и напоказ зарядила первый патрон.

— Я — солдат Республики, и мой долг — защищать вас. Поэтому, если альтернативой является ваш выход из строя и смерть, я предпочту наставить на вас оружие и заставить идти.

Она не поднимала на них дуло, окружающие ее Регинлейвы тоже не шелохнулись. Но изящная офицер-подросток, защищаемая «восемьдесят шесть», и Регинлейвы подавили граждан.

— Раз ты вся из себя такая солдатня республиканская, — приглушенно воскликнул кто-то из толпы, — чего тогда в Регинлейв забралась?! Если ты солдат, то должна защищать нас, ты

должна быть здесь и идти рядом с нами!

Лена обратилась к толпе заранее подготовленной усмешкой, будто она ждала, что кто-то так скажет:

— Я? С чего бы? Я ведь второе пришествие Святой Магнолии, которая ведет революцию, разве нет? А роль святой — вести своих заблудших овец, спасти их. А не разделять с ними печали. И кроме того...

Она оглядела беспомощных овец и заговорила. «Восемьдесят шесть» молча смотрели на нее, за ее спиной стояли надежные подчиненные доверенные товарищи.

— ...я — Королева, что ведет «восемьдесят шесть». Их Кровавая королева. А для королевы вполне естественно ездить верхом с рыцарями в ее распоряжении и править.

— !.. — Житель молча взглянул на нее с осязаемым возмущением.

— Могильщик. Удостойте меня чести покататься далее с вами, — Лена проигнорировала его и повернулась к Могильщику.

Регинлейв наклонил носовую часть, чтобы открыть фонарь, но Лена сделала знак остановиться и схватилась за борт агрегата. Она стояла у кабины, положив руку на 88-мм башню.

Точно серебряная богиня войны завершила свое триумфальное возвращение на белоснежную повозку.

— Лена, — заговорил с ней Шин по парарейду, явно расстроенным голосом. — Легиона поблизости нет, но это все еще опасно. Заберись, пожалуйста, в кабину.

— Переместись в начало группы. Тогда заберусь. Не волнуйся, им не хватит смелости бросить в меня камни, когда я на Регинлейве.

Шин пропустил ее слова мимо ушей и, по-видимому, отдал указания Райдену. Оборотень и Циклоп расположились сзади Могильщика по диагонали, встав между ними и беженцами. В такой формации, даже если граждане заметят Лену и попытаются забросать ее камнями, два агрегата послужат щитом. Когда отряд Остриё копыа готов был выдвинуться, а отряд Брисингамен рассредоточился для защиты Лены, Могильщик медленно пришел в движение. Беженцы ошарашенно наблюдали, как солдат Республики — а ведь все военные бросили граждан своей страны и сбежали первыми — едет на Регинлейве «восемьдесят шесть», не достаивая их даже взглядом.

Они остолбенели. Не прошло и нескольких мгновений, как их изможденные лица скривились от гнева. Как Лена и рассчитывала, ни у кого не хватило смелости бросить что-нибудь в нее, но

из толпы начали доноситься оскорбления и презрительные проклятья.

Предательница. Трус. Тиран. Любезничающая перед «восемьдесят шесть» деваха. Точно проститутка.

Может, они посчитали, что слова не достигнут ее ушей. Или, может, как раз надеялись, что она услышит.

Когда Лена добралась до головы группы, она решила, что уже достаточно показала себя, и, как было обещано, забралась в кабину Могильщика. Новости о случившемся, само собой, распространятся и на другие группы беженцев.

Новости об омерзительной серебряной ведьме на службе у «притесняющих» их «восемьдесят шесть».

Шин открыл фонарь и усадил запрыгнувшую внутрь Лену. Затем он закрыл кабину и запер. Три оптических экрана, выключившиеся от перевода Регинлейва в режим ожидания, зажглись и подсветили кабину, где ее приветствовал нахмуренный от недовольства Шин.

— Я понимаю, что они хотели, чтобы кто-то наставил на них оружие. Чтобы они почувствовали себя притесняемыми жертвами. Но тебе не было необходимости потакать их желаниям. И еще, Лена, ты...

— Необходимость была. Провокация и злость даст им силы, нужные на то, чтобы пройти еще чуть-чуть вперед. Генерал-майор Альтнер вверил мне задачу вернуться в Союз вместе с ними, живыми. Для этого мне пришлось так поступить.

Шин посмотрел на оптический экран. Женщина, остановившаяся ранее, все также стояла на месте, но к ней поспешно подошла другая женщина примерно того же возраста, чтобы помочь. Молодой мужчина обратился к матери, которая несла на руках двоих детей, взял к себе одного из них и пошел дальше. Пожилой человек взял за руку плачущего ребенка, кто разделился с родителями, и со стиснутыми зубами пошел через силу.

Молодого парня, волочащего вроде как раненую ногу, теперь поддерживала девушка, судя по всему, его возлюбленная.

Все и каждый смотрели на ведущего группу Могильщика и шли так, словно гнались за ним — изможденные тела двигались за счет злобы и ненависти.

— ...Может и так, но не нужно было идти на это, Лена. Ты ведь только выставила себя злодейкой. Не нужно...

— Да, — прервала его Лена. — Больше они не будут смотреть на меня как на второе

пришествие Святой Магнолии.

Шин уставился на Лену, а та улыбнулась ему.

«Как ты и говорил мне».

— Я не буду вести себя как святая с трагичным лицом. Я не хочу играть эту роль... но обязанностей солдата Республики придерживаться буду. И мне все равно, если позже они придут ко мне за помощью или жалобами.

— ...

Шин молча убрал руку с рычага управления и снял с головы Лены военную фуражку.

— Выходит, ты надела ее из учета своего положения солдата. Из-за долга, и чтобы запугать, — произнес он.

Лена на миг смотрела на него в полном изумлении.

— Ну, отчасти — вообще-то я посчитала, что под ней могу спрятать лицо.

Теперь настал черед Шина растеряться.

— Хм-м, я фуражку на глаза надвинула как раз по этой причине, — продолжила Лена. — Солнце сейчас светит с востока, свет падал прямо на меня. И раз поле фуражки будет закрывать мое лицо, то подумалось, что даже если сыграю злодейку... или, в общем, подумалось, что смогу спрятаться. В конце концов, я все еще хочу посмотреть на фейерверки во время Фестиваля революции.

Она не собиралась добровольно отказываться от возвращения.

— Пф-ф, — не удержался от усмешки Шин. — Понятно... Ну, да, теперь у тебя не трагичное лицо.

— Видишь? — Лена заерзала внутри тесной кабины и лицом уткнулась в грудь своего возлюбленного, кому пообещала вместе посмотреть фейерверки. — Пойдем домой.

— Ага.

□

Будто вынужденные идти, жители последовали за Могильщиком. Выражения их лиц и поведение в корне отличалось от той усталости, какую они демонстрировали всего минуту назад. Видя это, Шин, все еще прижимая к себе Лену, вздохнул.

Злость и ненависть придавали людям силы в трудные и отчаянные времена, временно позволяя им продолжать делать свое дело. Также было и в восемьдесят шестом секторе. Тогда они этого не осознавали, но ненависть подстегивала их.

Бороться до самого конца, отказываясь сдаваться или уходить с тропы. Они ни за что не станут как презираемые республиканцы и не обесценят себя, сойдя с правильного пути человечества. Да.

Они не станут опускаться до их уровня.

Тот гнев, безусловно, горел внутри подобно пламени. Если гордость поддерживала их на ногах, то гнев был другой стороной монеты. Он давал им силы для борьбы.

Но Шин не хотел верить, будто это есть истинная принципиальная природа человечества. Товарищи «восемьдесят шесть» тоже проклинали его. Некоторые «восемьдесят шесть» ненавидели его, называли ребенком Империи, предателем, богом чумы, одержимым призраками Богом смерти. Но он не хотел верить, будто все те оскорбления и брошенные в него камни — та ненависть, с которой старший брат душил его в детстве — были истинной природой человечества.

И потому... И несмотря на это...

...какая-то его часть могла соотнести себя с Пастухами.

Он зашевелил губами, не произнося слова вслух. Они были обращены товарищам, подавшимся гневу и омраченным ненавистью настолько, что стали Легионом.

«Мы не изменимся. Ни вы, ни мы».

Их выборы отличались — и вместе с тем были одинаковы. В восемьдесят шестом секторе все они были заключенными, привязанными к столбу в ожидании смерти. Но у всех на руках имелась возможность сделаться бомбой, которая могла взорвать Республику, пытавшуюся сжечь их.

Известный каждому «восемьдесят шесть» способ мести. Все, что им нужно было сделать, — перестать сопротивляться. И им даже не пришлось на это идти. Металлическое бедствие, Легион, само пришло жечь Республику.

Они так или иначе умерли бы. Единственная разница заключается в выборе: продолжать

сражаться и погибнуть, не выпуская из рук гордость, или перестать сопротивляться и погибнуть, снедаемые ненавистью. Единственная разница заключалась в удовлетворении в момент смерти.

Поэтому Шин не винил Пастухов. Пойди события другим чередом, если бы ему не досталось хоть что-то из того, что он имеет сейчас...

Например, если бы он не познакомился с Королевой серебра, кто, пусть и была Альбой, привязалась к «восемьдесят шесть» и сказала ему, что никогда их не забудет...

□

...к этому моменту он уже мог быть одним из этих Пастухов.

□

Идущих жителей тем временем побуждали раздутое пламя и ненависть. Ненависть к Королеве, самозванной святой. К «восемьдесят шесть», которые даже в ответ не гневались.

И к красивому миру, столь блаженно равнодушному к их страданиям.

Им было так больно, их так сильно замучили, их поглотила такая большая волна жалости к себе. Кто-то должен быть в этом виноват. Кто-то должен причинять им всю боль, мучения и вызывать эти волны жалости.

В конце концов... если они позволят мелькнуть мысли, будто боль, мучения и самосожаление вызваны ими же, то эти эмоции станут окончательно невыносимы.

Дайте нам возненавидеть вас. Кто-нибудь. Что-нибудь.

Если бы только птицы не чирикали. Если бы только цветы не цвели так красиво, если бы только солнышко не было столь прекрасным, если бы только над ними не нависало чудесное голубое небо.

Если бы только пошел дождь. Если бы только разразился шторм. Если бы только мир омыли грозы, слякоть и тьма, если бы только мир любым способом выказал презрение к ним и встал на пути.

Беженцы даже возмутились раскинувшейся сверху высокой голубизной, возненавидели красоту мира, не приостановившегося перед лицом их мук.

И даже мысль в голову пришла: «Если бы только все это сгнуло вместе с нами».

□

К тому времени, как они пересекли рубеж Водолей в шестидесяти километрах от Союза, беженцы не проронили ни единого гадкого слова. Они молча шли по бездорожью, казалось, уходящему в бесконечность, и прерывисто дышали, точно животные, когда утреннее солнце безжалостно обрушивалось на них.

Один Регинлейв впереди внезапно обратил свой оптический сенсор к горизонту. Вздвигаемые на расстоянии облака пыли становились ближе. Вскоре показались квадратные контуры больших неуклюжих грузовых машин.

Транспортное подразделение Союза.

□

Почти сразу, как они перегруппировались с транспортными грузовиками, Шин ощутил это.

— Тц... Лена, забирайся в Грималкин.

— Что? — обернулась она на него.

Шин тяжело качнул головой. Арьергард генерал-майора Альтнера...

— Арьергард распадается... В зависимости от ситуации, мы вскоре сможем вступить в бой. Возвращайся в Грималкин.

Защищавшие маршрут беженцев дошли до предела, и оборонительный рубеж начал разваливаться.

□

— Мы погрузили всех беженцев в грузовики, генерал-майор. Начинаем отступление, — сказала Грета.

Получив отчет от капитана транспортного подразделения, Грета дала указания ударной группе выдвигаться. Затем она переключила цель синхронизации на Ричарда, ведущего арьергард.

Арьергард выиграл достаточно времени, чтобы беженцы воссоединились с транспортным

подразделением, а значит, свою задачу они выполнили. Но сами они теперь вернуться не могли.

Ударная группа продвигается по маршруту отступления медленно, а арьергардные металлические скакуны скачут по полю боя на высочайшей скорости. Расстояние между ними было слишком огромным, а линия обороны рушится перед лицом безжалостного наступления Легиона. Перегруппировка и отступление теперь уже невозможны.

Ее товарищ уже не вернется, поэтому она хотела передать хотя бы эти слова.

— Вы выполнили свой долг, генерал-майор... Выражаю мое искреннее уважение, генерал-майор Ричард Альтнер.

— Брось, паучиха, — произнес Ричард с намеком на саркастическую улыбку. — Не к лицу тебе это.

Грета не чувствовала присутствия пилота на операторском сиденье. Умер ли тот... или Ванарганд был полностью снесен? Остались лишь непрекращающиеся звуки выстрелов. Сливающийся рокот двух пулеметов. Рев 120-мм гладкоствольной пушки.

— Кажется, я проиграл пари. Опять. Ребята, которые преподносили себя как кровавые клинки, выточенные на поле боя, наконец-то стали нормальными детьми в объятиях нашего Союза.

И это являлось самым важным.

— Ричард...

— Не дай снова отнять у себя. Черная вдова больше никогда не должна приходить в неистовство. Попробай представить, каково мне было. Мне, кто смотрел на вас с Виллемом, двух окровавленных демонов войны, которые выжили из ума на поле боя. Одного раза хватило... Да, и передай Виллему, что не нужно в этот раз мстить десятикратно. Одно дело, когда он майор в бронетанковом пехотном корпусе, но не должен начальник штаба и коммодор размахивать тесаком перед жестянками.

Ричард, несмотря на ситуацию — или же вопреки, — улыбнулся.

— Наверное, поздновато я с этим, но из-за его одержимости рассекал металлоломом, «Богомол-рубщик» подошло бы ему больше «Богомола-убийцы»... Думаю, все эти годы мы применяли к нему совсем неправильное прозвище.

— ...

— Так что не давай ему повода менять его, Грета. Он же из тех идиотов, что даже не осознает, каким сострадательным может быть в самые странные моменты... Да, ты и без меня знаешь. Сама такая, просто в тебе чуть больше самосознания.

— ...Ага.

Эренфрид — Убийственный тесак, охотник на металлических монстров. Черная вдова, убийца Легиона.

Еще на ранних стадиях войны с Легионом, когда поле боя представляло собой хаос, и еще не пришли к отработанной тактике борьбы, смертей было немерено. Один за другим, и так все теряли дорогих им людей. Сверстников из офицерской академии, товарищей, с кем продирались через огонь и воду, подчиненных из старшего поколения.

На поле боя вышли двое молодых офицеров-подростков, которым было за двадцать. В своей попытке компенсировать все лишения они стали стремиться осуществить жестокую месть механической армии, которая и забрала у них все.

Молодой мужчина поклялся, что за одного потерянного товарища убьет десять машин — и это несмотря на способ убийства: рубить легковесный Легион в ближнем бою. Задача, считавшаяся верхом безумия. Он стал демоном, единолично бросающим вызов не только Муравьям, но и Волкам.

Молодая женщина поклялась, что больше никогда не даст кому-либо сесть на место стрелка — и это при том, что она пилотировала Ванарганд своего жениха и была стрелком одновременно, уничтожая тяжеловесный Легион. Она стала ведьмой, единолично расправляющейся с бронированными машинами.

Грета еще помнила прошлую себя. Помнила товарища, ставшим известным под прозвищем Убийственный тесак. Помнила то чистое безумие.

— ...За это я его и ненавидела.

Он был словно зеркалом перед ней, которое отражало кипящую, как расплавленный металл, ненависть в ее сердце — жестокую, свирепую часть ее, о какой ей знать не хотелось.

— Он любил эту искреннюю часть тебя. Хоть и понимал, что ты не обратишь на него свои чувства.

— Знаю. За это я его и ненавидела.

Она почувствовала, как Ричард по другую сторону молча скривил улыбку, и продолжила:

— Поэтому я не хочу быть вынужденной приходить на его могилу.

Я не хочу, чтобы он умер раньше меня. Точно также ты переживаешь за него.

— Ну ты тогда убедись, что не придется. — Улыбка Ричарда стала еще шире.

— Но, — обратилась она в ответ к нему с самой искренней, на какую была способна, улыбкой, — когда приду к тебе, чтобы разделить выпивку, возьму его с собой. Как всегда.

Помощь не успеет вовремя. У Ричарда больше нет возможности сбежать. У них с Гретой никогда не выдастся шанс выпить вместе.

«Но когда я буду вспоминать тебя, то и вести себя буду так, будто нас все еще трое».

Как бы говоря тем самым, что их троица, пережившая ужасную десятилетнюю войну, все еще живет.

— ...Понятно.

□

Транспортные грузовики отправились в путь. Ни о каких комфортных сидячих местах речи не шло, тем более люди забились внутрь так, что уже считалось небезопасным. Беженцы и военная полиция, не поместившиеся в транспорт, заняли опустошенные буксируемые контейнеры падальщиков.

Жители обхватили друг дружку, пытаясь добиться хоть малейшей устойчивости, когда грузовики и падальщики поехали дальше под защитой Регинлейвов.

□

В болезненной тишине Фредерика закрыла глаза. Ее слова не услышат те, к кому они были обращены. Отсюда она ничем не могла помочь. И все же...

— Вы славно сражались, генерал-майор Ричард Альтнер. И вы тоже, его brave, доблестные солдаты.

□

В углу ряда Регинлейвов Грета закусил губу. Рев пушки Ванарганда Ричарда стих уже какое-то время назад. Вместо этого она слышала лишь рокот пулемета и приближающиеся, вопреки

огню, шаги, такие же тихие, как трение костей друг о друга.

А потом она услышала свист от чего-то острого, разрезающего воздух, за ним последовал легкий стук дробления металлическим объектом чего-то мягкого и из костей.

Несколько мучительных хрипов. Едва слышимое скольжение пистолетного затвора. Стандартный в Союзе 9-мм самозарядный пистолет — оружие самоубийства, выдаваемое пилоту фердреса.

Грета еще сильнее прикусила губу. Шепот, взывающий к кому-то — будто последние в жизни слова. Имя его жены. Грета лишь несколько раз встречалась с ней. А потом имя маленькой дочери, лишь недавно научившейся говорить. А потом...

...выстрел.

□

Шин со своей способностью мог с уверенностью сказать, что арьергард был истреблен. На пути никого не осталось, и Легион погнался за ударной группой и беженцами на высокой скорости.

Но они опоздали.

Генерал-майор Альтнер и его люди проделали отличную работу. Охраняемые Валькириями, транспортное подразделение пересекло рубеж Рыбы в тридцати километрах от Союза. Затем по занятой бронетанковыми силами Союза плотной оборонительной линии они наконец-то достигли точки Зодиака — территорий Союза.

Следом вся ударная группа также пересекла рубеж Рыбы и добралась до точки Зодиака. Как только вернувшихся из Республики приняли, военные Союза преградили маршрут отступления. Артиллерийский корпус, развернутый в тылу оборонительного рубежа, произвел наступательный обстрел, безжалостно уничтожая неотступный Легион.

□

Возвратившись на земли Союза, ударная группа и транспортные грузовики добрались до железнодорожного терминала в городе Берледефадель. Их приветствовал красивый городской пейзаж с придорожными деревьями, выполненными из стекла и металла. Тротуар усеивали несметные вечные опавшие листья из кварца; богатая, манящая красота посверкивала в преломляемых стеклянными листьями золотистых лучах.

Завидев эту сцену медовой раскраски, Шин внутри Могильщика вздохнул с облегчением. Они двигались полдня со вчерашней поздней ночи. Они устали, но самое главное, что возвращение в безопасное место принесло покой — и на поверхность сразу всплыло ощущение напрасных

усилий, копившееся со временем.

Да, напрасных. Они провалили эвакуацию всех беженцев Республики, потеряли Ричарда и его отряд и не смогли остановить Альдрехта и других призраков «восемьдесят шесть».

Транспортные грузовики въехали на привокзальную площадь, из них вывалились изможденные жители, которые расселись на земле. Грузовики изначально перевозили беженцев в их сектор, а помощь в отступлении осуществлялась временно. Выходило так, что многие беженцы оставались в это время на площади. Люди заметили тяжелое состояние своих соотечественников и наличие Регинлейвов и начали беспокойно роптать.

Почему «восемьдесят шесть» уже вернулись? Когда прибудет следующий поезд с беженцами? А что с их соотечественниками, так поздно прибывшими?

— Хорошая работа, — сказала Грета, словно пытаясь отгородиться от сетований эвакуировавшихся. — Оставьте их ответственным людям и возвращайтесь домой.

— Давайте, осталось еще немного, и мы доберемся до теплого душа и кроватей, — ярко побудила их Лена.

Жилье ударной группы располагалось немногим дальше в городе. После слов Лены первым выдвинулся отряд Брисингамен, за ними отправилась 1-я бронетанковая дивизия. Некоторые были на ногах уже целый день, и им, несмотря на принятые лекарства, становилось худо. Чтобы убедиться, что они как можно скорее вернутся и отправятся отдыхать, отряд Остриё копы сошел с дороги и остался на тротуаре со стеклянными деревьями.

Шин вышел из кабины размять конечности и вдохнуть свежего воздуха. Остальные члены отряда последовали его примеру, принявшись потягиваться или выливать воду на головы. Он протяжно и устало выдохнул.

Но затем ушей достиг резкий голос. Шин на подсознательном уровне оставил Могильщика между беженцами и другими Регинлейвами, как если бы выступал щитом, и потому оказался к ним ближе всех. Только по одной этой причине.

□

— Маньяк-людоед! Вот поэтому у тебя такие красные глаза, «восемьдесят шесть»! Разноцветные уроды, да вы все бесполезные и бездарные!

□

Крена вскинула брови, Анжу поднялась на ноги. Райден обернулся на беженцев, его глаза грозно сощурились. Оставшиеся Регинлейвы и процессоры, в том числе Дастин и Варги,

окинули их холодными взглядами. Даже Грета, намеревавшаяся оставаться в своем агрегате до тех пор, пока все ее подчиненные не вернутся к себе, повернулась к ним.

Кричавшим был молодой мужчина из Альб, который прорвался через толпу своих соотечественников. Военная полиция поспешила скрутить мужчину до того, как он ушел бы с площади и, тем более, дошел бы до Шина. Схваченный за руки с двух сторон, он неуклюже наклонился вперед.

Потом силой высвободил руку и выставил ее вперед: пальцы сжимали обгоревший клочок ткани.

— Это все ваша вина! Вы не хотели защищать нас, а потому халтурили! А теперь она мертва, из-за вас! Почему... почему вы не спасли мою сестру?!

На площади вдалеке виднелись сожженные, изодранные останки поезда, сложенные на путях позади граждан, словно подальше от их глаз. Этот поезд для беженцев был охвачен огнем после попадания в него зажигательных снарядов.

Так никто из пассажиров не выжил, или владелице одежды не посчастливилось, и ее посчитали за погибшую? Шин не мог знать. Но, скорее всего, она действительно умерла в этом горящем поезде.

В одном из вагонов, который предала огню злоба Пастухов. В этом адском пламени, вызванном злобными призраками «восемьдесят шесть».

Шин внезапно ощутил растущий в сердце комок ненависти. Не выдержав, он прикрикнул в ответ:

□

— Если вы все так считаете...

□

— Если вы все так считаете, почему никто не стал сражаться?!

— Че ты только что... — Выражение лица молодого мужчины исказилось от гнева.

— Почему даже не попытались дать отпор? Вы девять лет провели в окружении Легиона. За девять лет не добились победы, почему вам в голову даже мысль не пришла начать бороться? С какого перепугу вы отказались от желания сражаться и просто сидели сложа руки, такие все довольные собой? На каком основании вы думали, искренне верили... будто кто-то всегда будет

защищать и биться вместо вас?!

Вы постоянно твердили остальным сражаться за вас. Постоянно призывали остальных защищать. Почему вас не пугала такая перспектива? Неужели не заметно, какие вы жалкие, когда не защищаете сами себя? Вы настолько слепы и не видите, как это ужасно, когда свои жизни передаете в руки другим?

И ведь это десятилетняя война с Легионом, среди прочего. Вы уже поняли, что ваша стена не способна защитить Республику и ее людей, а крупномасштабное наступление показало, насколько отчаянно бессильными вы оказались.

Как можно после всего оставаться такими... слабыми?!

— Почему вы никогда не пытались защитить самих себя? У вас были годы, за это время столько всего произошло! Почему?! Почему хоть раз вы не попытались защитить себя?!

Если они хотя бы попробовали, Шину и «восемьдесят шесть» не пришлось бы видеть столь ужасные смерти многих жителей Республики. Им не пришлось бы жить с мыслью о том, что спасти всех не удалось, что оставили их умирать страшной смертью. Всего этого можно было избежать.

□

— Как вы вообще живете, когда каждый день смотрите в зеркало и видите тех, кто неспособен защитить свои жалкие шкуры?!

□

Его тон был не обвиняющим, а измученным, как если бы он выкашливал слова с кровью. Голос человека, который видел смерти, много мучительных смертей, и страдал от этого. Смерти тех, кто не заслужил такой участи.

Молодой мужчина умолк, пораженный. Шин, не в силах оставаться здесь, отвернулся и поспешил прочь.

□

Когда он шел через улицы, окрашиваемые призматическими преломлениями от непадающих стеклянных листьев, услышал позади себя чьи-то шаги. Обернувшись, Шин увидел Марселя. Он находился на борту Регинлейва Греты и, видимо, высадился и пошел за ним.

Марсель неподвижно встал позади и не мог вымолвить ни слова, поскольку все пытался

отдышаться. Ощувив, как напряжение сошло на нет, Шин заговорил первым. Его одолело сожаление при виде Марселя.

— ...Прости.

— За что? — нахмурился Марсель.

— Я не имел в виду, что быть слабым — неправильно, или что слабый заслуживает смерти.

Он вспомнил Юджина. Как он погиб на западном фронте. Шин не считал, что это произошло с ним из-за того, что тот был слаб. Он не был настолько равнодушным человеком, чтобы говорить, что неправильно быть слабым.

— Знаю, — кивнул Марсель. — Знаю... Он сражался, но не справился и погиб. Но...

Но именно поэтому.

— ...вот из-за чего смерть даже без намека на бой кажется такой невыносимой...

— Ага...

— Как сами они умудряются жить с этим? Это не моя вина или твоя, но все равно больно... Даже они...

Марсель печально опустил раскосые кошачьи глаза. Он тоже провел годы на поле боя, наблюдая за смертями товарищей. В его голосе передавалось это горе.

— Нам было бы лучше, если бы им не пришлось погибать...

□

Военная полиция вытеснила молодого мужчину и беженцев обратно на станцию и велела не начинать склоки с солдатами. А вот на тротуаре со стеклянными деревьями воцарилась холодная тишина. Шин, сказав свое слово, ушел, но Райден, Анжу, Крена, Тору и Клод не отправились за ним.

Никто из них не был в том душевном состоянии, чтобы пойти.

Война с Легионом — они думали, она вот-вот должна закончиться, они надеялись, что смогут ее завершить. Этот исход, казалось, маячил на горизонте, но ситуация изменилась кардинальным образом всего за одну ночь. Конец войне уже не выглядел таким определенным.

Все прошедшие им битвы, все полученные ими достижения за шесть месяцев обратились в ничто. Все бои за последние полгода вполне могли оказаться бессмысленными.

Все сделанное ими, возможно, было напрасным.

Чувства полной тщетности и усталости горели в их сердцах с того дня, когда светила обрушились на поля брани человечества. К этим бессилию, напрасному труду и пустоте они уже успели привыкнуть.

Какая-то часть разума нашептывала им, что опустошенность была выгравирована в них в восемьдесят шестом секторе, что мир не нуждался в человечестве, и что для них места не было.

Но хотя бы до этой операции они могли держать мысли подальше от смирения и подавлять эмоции. Однако те, ради чьего спасения был проделан такой длинный путь...

— И зачем нам вообще нужно было их вытаскивать?.. — прошептал Тору про себя.

— Да уж...

Экспедиционные силы постарались вывезти жителей Республики, и всех спасти не удалось. Операция провалилась. Генерал-майор и его люди рискнули жизнями и остались в тылу в качестве арьергарда, а потом пожертвовали собой.

Бывшие братья, некогда погибшие, стали Пастухами. Товарищи, с которыми они бились бок о бок в восемьдесят шестом секторе, погибли. И за прошедшие несколько месяцев они также потеряли товарищей, переживших крупномасштабное наступление...

Клод стиснул зубы, чувствуя нарастающий гнев. Жители Республики погибли. Его брат, кто пытался сражаться, будучи Куратором, скорее всего, тоже погиб...

Почему спасать в итоге нужно вот этих ничтожеств? Почему не тех, кто погиб? Они ни разу не раскаивались, от них не было ни намека на благодарность. Только ворчали, жаловались и ничего этим не добивались.

Почему они выжили? Почему так вышло, что единственные, кого «восемьдесят шесть» удалось спасти», это их?

Над ним нависло необъяснимое чувство напрасных усилий, дробящее его тело. За что они боролись? Чего добились за все это время?

— Что я мог сделать, чтобы спасти своего брата?.. — неосознанно вырвалось у Тору.

Мог он где-то поступить иначе и спасти брата? Изменить операцию? Спасти генерал-майора и его войска — или неисчислимое множество погибших товарищей?

И даже тех жалких жителей Республики. До сих пор его не волновало, сгинут ли они. Но опять же, он не считал, что они заслужили умереть такими ужасными смертями, крича от боли и мук. Мог он изменить это?

— Мог ли я не допустить их гибель?..

Был ли он способен оградить себя от лицемерия страшных, чудовищных смертей?..

†

Возвращение ударной группы на их основную базу — это целая транспортная миссия с участием тысяч фердресов и личного состава. Одна только разгрузка оснащения займет больше одного дня. Несмотря на сдвинувшееся расписание, транспортная команда уже была готова и ждала их. Солдаты же удалились в жилища на временной базе для раннего отдыха.

Некоторые оказались изможденными настолько, что отправились сразу спать. Другие решили принять душ или перекусить. Падальщики, не знавшие усталости, сновали туда-сюда по распоряжениям транспортной команды, помогая разгружать боеприпасы и силовые установки. Тем временем персонал базы расхаживал с большими подносами, на которых стояли бумажные стаканчики с кофе.

Но, конечно, командиры не могли сразу пойти отдыхать. Это касалось и Лены.

— Принято. Думаю, на сегодня хватит. Молодец, Шин.

Как только он закончил с передачей нужных отчетов, Лена сообщила ему об успешном завершении своих обязанностей. Они находились в небольшом личном кабинете, выделенном ей, как командующему офицеру.

— Да, ты тоже, Лена... Это немного поздно, но не хочешь сходить поесть? Если устала, могу принести чего-нибудь.

— Нет, я в порядке. Лучше пойду проведаю остальных.

Все уже, скорее всего, закончили есть, но наверняка остались на кофе.

— Но перед этим... Чуть-чуть можно?

— ...Да, — кивнул Шин, поняв, что она имела в виду.

Лена, должно быть, на протяжении всей операции держала все в себе. Она могла это выдержать, но уже подошла к пределу. Она встала и обняла парня напротив. Руками обхватила его, и уткнулась лицом в грудь. На ее глаза навернулись слезы.

— Прости, — смогла произнести она, понутив голову. — Знаю, тебе тоже больно, а я тут...

Пастухи, выбравшие месть. Огромное количество погибших граждан Республики. Такие же добрые люди, как ты...

— Понимаю... Но я успел излить душу чуть ранее, так что со мной все в порядке.

Тут-то Ленины брови поползли вверх. Шин сообразил, что сел в лужу, но было уже поздно. Лена нахмурилась, надулась, ее настроение резко спикировало вниз.

— Излил, правда? Кому? Райдену? Или Файду? — спросила она.

Серебряный звон ее голоса был острее и колючее обычного. Да, Шин выболтал, что положился на кого-то другого — и эту ошибку он признавал, но оставалось неясным, с чего она должна ревновать его к Райдену и, тем более, к Файду.

— ...Марселю.

— Вот как? Ну, наверное, придется позже устроить ему тщательный перекрестный допрос.

— Возьмешь дело в свои руки? — произнес Шин.

Он вспомнил, как говорил о том же самом на суперавианосце, и Лена также припомнила тот разговор. Ее брови опустились, и она хихикнула:

— Да, так и сделаю.

— Марсель твой подчиненный, Лена. Тебе не следует мучать его.

— Да... Но не тебе об этом говорить.

[П/П: Напомню, о допросе в отношении Марселя говорил Шин в 8 томе после того, как увидел Лену в облегающей Цикаде.]

Оба коротко усмехнулись. Но потом Лену все-таки прорвало на слезы.

— ...Нам пришлось столько их оставить там.

— ...Да.

— У нас не получилось спасти их. Они все... погибли. И генерал-майор тоже погиб, ради нас.

«Мы дали ему умереть. Мы не смогли его спасти. Мы дали пасть Республике. Родины, где я родилась и выросла, все-таки не стало. Все они... мертвы».

— Я не смогла их спасти. Я ведь не хотела бросать, не хотела, чтобы они погибли. Я хотела вызволить жителей, но... не смогла. Я... я... я!..

— Это не твоя вина, Лена. Но...

Она почувствовала объятия рук. Сильных, мускулистых рук. И несмотря на его толстую танковую куртку, она могла ощутить тепло тела чуть горячее ее собственного.

— ...не думаю, что кто-либо станет винить тебя за желание поплакать. Ты, естественно, будешь опечалена.

Он обнял ее и тем самым без слов дал понять, что ей можно выплакаться.

И вот... Лена открыто заревела. Она скорбела о потере родины, о бесчисленных погибших людях.

<http://tl.rulate.ru/book/36621/2455405>